СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI - 10.32743/UniSoc.2025.127.12.21505

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЭРЗЯН ПО ДАННЫМ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Русаков Дмитрий Александрович
независимый исследователь,
инженер,
РФ, г. Москва
E-mail: darusakov93@yandex.ru

EARLY HISTORY OF THE ERZYA PEOPLE BASED ON ORAL AND WRITTEN SOURCES

Rusakov Dmitrii
Independent researcher, engineer,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В данной статье эрзянские предания о переселении их предков, называемых тюштями, были сопоставлены с данными письменных, лингвистических и археологических источников, что позволило подтвердить праэрзянскую миграцию из Прибалтики в междуречье Оки и Суры, а также датировать ее началом VIII века. Также была предложена гипотеза о том, что древнее население Восточной Европы, при переходе с прагерманского языка на финно-пермские, сохранило свой этноним, восходящий к прагерманскому этнонима *þeudō (народ, толпа, отряд), причем некоторые народы стали использовать дериваты этого этнонима, а некоторые народы – его кальки.

ABSTRACT

In this article, Erzya legends about the migration of their ancestors, called the Tiushtias, were compared with written, linguistic, and archaeological sources, confirming the Proto-Erzya migration from the Baltic region to the Oka-Sura interfluve and dating it to the early 8th century. A hypothesis was also proposed that the ancient population of Eastern Europe, during the transition from Proto-Germanic to Finno-Permic languages, retained their ethnonym, which derives from the Proto-Germanic ethnonym *þeudō (people, crowd, detachment). Some peoples began using derivatives of this ethnonym, while others used calques of it.

Ключевые слова: тюшти, чудь, аорсы, эрзяне, морды.
Keywords: Tiushti, Chud, Aorsi, Erzyans, Mordians.

Введение

Изучение прошлого малых народов, живших вдали от письменных цивилизаций, осложнено тем, что они практически не упоминаются в исторических и географических трудах до периода Средневековья, из-за чего основным источником знаний об их старине становятся устные предания. Данная работа посвящена восстановлению ранней истории эрзян путём соотнесения народного эпоса с письменными, лингвистическими и археологическими фактами.

О достоверности устных и письменных источников

К настоящему времени в научных кругах существует предубеждение касательно того, что коллективная память народа, отраженная в сказаниях, достоверно сохраняет события лишь последних нескольких столетий, из-за чего устные источники, повествующие о событиях далекого прошлого, почти не рассматриваются всерьез при изучении истории народов. В то же время, отношение к легендам, записанным историками Античности, совершенно противоположное: сведения в пересказе Гомера, Аристея, Геродота, Тита Ливия и других авторов считаются надежными и активно используются в научных реконструкциях.

Библиографическое описание: Русаков Д.А. РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЭРЗЯН ПО ДАННЫМ УСТНЫХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 12(127). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/21505*

На наш взгляд, такая избирательность необоснованна: личность пересказчика никак не влияет на достоверность сведений, ведь он лишь фиксирует на письме один из множества вариантов сказания. Мы считаем, что источники, в плане степени их достоверности, следует разделять на две группы: сведения от первоисточника, т.е. участника или свидетеля событий, и сведения от пересказчиков. Важно отметить, что порядковый номер пересказчика в цепочке передачи информации не имеет значения, ведь искажения сведений при передаче из уст в уста неравномерны и один посредник может изменить информацию сильнее, чем несколько других.

В силу всего вышесказанного, мы не видим существенных различий в уровне достоверности между преданиями о событиях Бронзового века, зафиксированными античными авторами, и преданиями о событиях Средневековья, зафиксированными собирателями фольклора в Новое время, а потому считаем обе категории одинаково достойными использования в исторических реконструкциях.

Тюштя и его происхождение

Одним из главных действующих лиц эрзянских сказаний является вождь Тюштя. Легенды описывают некоторые подробности его генеалогии: он рожден от брака громового бога и земной девушки Лит-авы (дословно: Литы-женщины) [13, с. 311-312], чье имя связано с этнонимом литовцев. Примечательны два факта: во-первых, данный миф восходит к общему ПИЕ мифу о Заре-девушке – земной невесте бога-громовника [13, с. 142, 311], а во-вторых, эрзянская версия мифа связана с финской, где громовой бог берет в жены земную девушку Суоме-(ты)тар (дословно: Суоми-дочь) [13, с. 66-67], чье имя связано с этнонимом суми (западных финнов).

Имя Зари-девушки (ПИЕ *H₂éwsōs, ПГ *austraz) этимологизируется из ПИЕ *h₂ews (свечение, пламя, заря, утро, Восток), а имя Лит-авы этимологизируется из ПИЕ *leit (берег, край, граница), причем первому корню омонимичны ПИЕ *h₂eу (гореть) и ПИЕ *h₂eHs (сушить), от одного из которых происходит ПГ *aistaz (печь, сушилка, очаг). Мы предполагаем, что у этого слова мог произойти такой же семантический сдвиг, как у ПС *suša: от первичного «сухой» (лишенный воды, невлажный) к вторичному «суша» (находящийся вне воды, на берегу, на острове). Исходя из этого, мы реконструируем следующую последовательность событий: живший в области Æistland германский народ *aistai «береговые», в силу близости слов *austraz и *aistaz, переосмыслил Аустру-девушку (утреннюю) как Айсту-девушку (береговую), а впоследствии эта версия мифа попала, во-первых, к западно-балтскому народу *zemai, где Айста-девушка была преобразована в Зему-девушку (береговую) и в таком виде заимствована саамами/емью, а от них – сумью, превратившей ее в Суоми-девушку, во-вторых, к восточно-балтскому народу *leitai, где Айста-девушка была преобразована в Литу-девушку (береговую) и в таком виде заимствована эрзянами.

Опираясь на названия исторических областей, можно примерно очертить границы Айстланда: он включал в себя, как минимум, Эстляндию, т.е. северную часть Эстонии, и прибрежные земли Финляндии до Тавастланда, т.к. Тавастланд (Taf-æistaland) этимологизируется из ПГ *tabjan-aistaz-landą (позади берега земля). Поскольку к этнониму айстиев восходят средневековые названия Вислинского залива в нижнегерманском (Est-mere), прусском (Aīstjan-mari) и латышском языках (Aist-marė), можно допустить, что в состав Айстланда входили земли всей Юго-Восточной Прибалтики до Вислы. В пользу этого говорит и информация Вульфстана из Хедебю (IX век) о том, что город Трусо стоит на берегу озера в Айстланде из которого вытекает река Эльблонг (Ilfing), впадающая в море Айстов [9, с. 26]. Карта с ориентирами, связанными с Айстландом, представлена на Рисунке 1.

Рисунок 1. Ориентиры, связанные с Айстландом

Ввиду того, что западные балты вышли к морю раньше восточных балтов, контакты западных балтов с прасаамами/праемью следует датировать более ранней эпохой, чем контакты восточных балтов с праэрзянами. Из-за почти полного отсутствия балтской гидронимии к Северу от бассейна Двины [26, с. 223-224], область обоих взаимодействий следует локализовать в районе Рижского/Ливского залива.

Этнонимы с семантикой «житель берега» широко распространены в Прибалтике [10, с. 26-28] – мы относим к ним, во-первых, этноним эстонцев (eestlased), восходящий к ПГ *aistaz (суша), во-вторых, этнонимы жемайтов (žemaitē), земгалов (zemgaļi), пруссов-сембов (zemē), еми (häme) и саамов (sāme), восходящие к ПБ *źémē (земля, низина, берег), в-третьих, этнонимы литовцев (lietuvis), латгалов (letgaļi) и латышей (latvieši), восходящие к ПИЕ *leit (берег), в-четвертых, этнонимы эстонцев (maarahvas, земли-народ), каянов (kainu/kaino, низина), ливов (rāndalist, береговые), восходящие к другим корням. Такое совпадение значений этнонимов не может быть случайным, а значит все они восходят к общему архетипу прагерманского происхождения.

Этноним тюштей

В легендах о Тюште праэрзяне называются «народом Тюшти», из чего можно сделать предположение о том, что Тюштя – эпоним, а следовательно, тюшти – самоназвание праэрзян [3, с. 56]. В эрзянском языке существует фразеологизм «тюштянь пингень» (очень давно) [3, с. 61], что дословно переводится как «в тюштянские времена», а значит эпоха, когда эрзяне назывались тюштями, была очень давно.

Этноним тюштей очень похож на этноним чудь/чухна, исторически употреблявшийся русскими по отношению к народам, проживающим в Юго-Восточной Прибалтике: сету, эстонцам, води, вепсам и другим. Исследование Р.А. Агеевой показало, что топонимы, образованные от слов чудь/чудин/чудской и чухна/чухонский, плотнее всего располагаются между реками Великой и Волховом, а с меньшей частотой встречаются вплоть до устья Оки [1, с. 97]. Также она обратила внимание, что ареал чуди в прошлом тянулся далеко на Восток, т.к. чудь считают своими предками некоторые удмурты (чудья/чудзя) и коми (шудья/шудзя) [1, с. 110-112]. Помимо вышеназванных народов, схожий этноним «тютя» есть у марийцев, которым они обозначают некий древний народ, соседствовавший с их предками [23, с. 61]. Также этноним тюштей похож на этноним чутте/чуззе (čutte/čuđđe), который употреблялся саамами по отношению к некому враждебному народу с Юга [1, с. 108]. Лингвисты уверены, что как русское слово не может быть выведено из саамского, так и саамское слово не может быть выведено из русского [1, с. 109-110], а значит оба этнонима независимо восходят к общему источнику. Если вышеназванные этнонимы связаны с тюштями, то это позволяет говорить об их проживании в Юго-Восточной Прибалтике.

Мы считаем, что все эти этнонимы, как и самоназвание немцев (deutsche), восходят к ПГ *þeudō и ПИЕ *tewtéh₂ (народ, толпа, отряд). Современные этнонимы суми (ПГ *sumaz), карелов (ПГ *harjaz) и людиков (ПГ *liudiz) тоже означают «народ, толпа, отряд» – такое совпадение не может быть случайным, а значит существуют какие-то древние связи германцев с западными уральцами, объясняющие это совпадение. Как минимум, такие связи прослеживаются археологически: Круг культур шнуровой керамики включал в себя как скандинавскую группу Культуры ладьевидных топоров, из которой происходят современные северные германцы, так и финскую и эстонскую группы этой же культуры, население которых было ассимилировано западными уральцами, а также Фатьяновскую и Балановскую культуры, чье население тоже было ассимилировано западными уральцами.

Обобщив эти факты, мы считаем, что население юго-восточных частей Круга культур шнуровой керамики, при переходе с прагерманского на финно-пермские языки, сохранило свое самоназвание, восходящее к прагерманскому архетипу.

Прародина тюштей

Важной проблемой в истории эрзян является несоответствие их текущего географического расположения тому, которое ожидается на основании данных лингвистической таксономии. Финно-пермские народы расселялись вдоль левого берега Волги с Востока на Запад, причем, согласно результатам исследований В.В. Напольских, языковые группы отделялись от общего ствола в следующей последовательности: пермская, марийская, мордовская, саамская и прибалтийско-финская [12, с. 11]. Следуя этой закономерности, эрзяне, как носители языка, входящего в мордовскую группу, должны располагаться между носителями марийских и финно-саамских языков, т.е. в бассейне реки Волхова (см. Рисунок 2). Тем не менее, с начала XIII века, когда эрзяне впервые упоминаются в русских летописях под именем «мордвы», источники локализуют их в Окско-Сурском междуречье, что позволяет говорить о миграции эрзян из Поволховья на Оку в дописьменную эпоху.

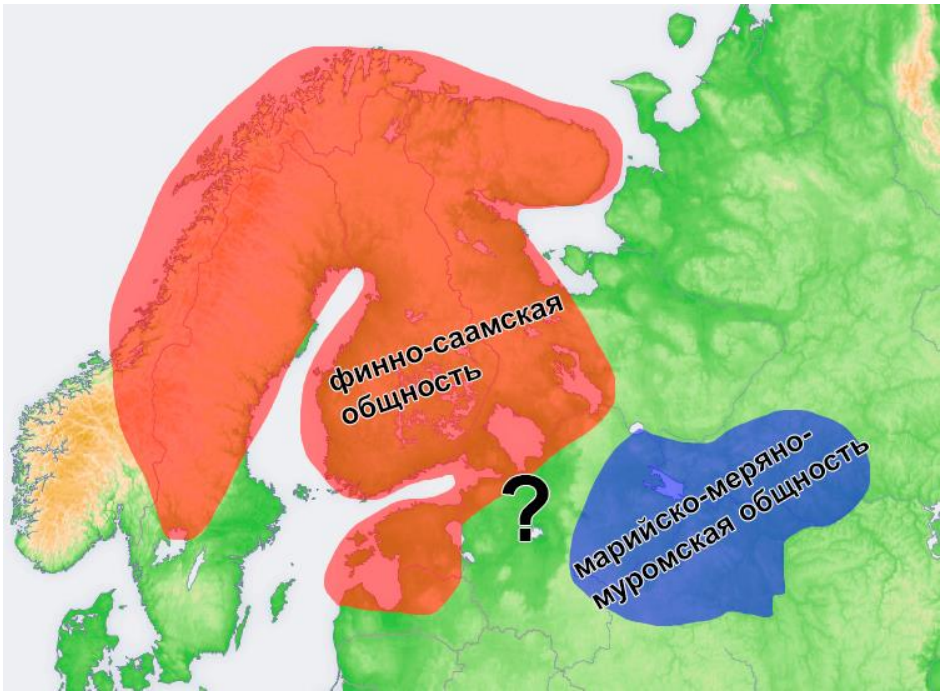

Рисунок 2. Схематическое расположение некоторых финно-пермских языковых общностей на рубеже эр

Эрзянские легенды дают несколько ориентиров для определения местоположения земли Тюшти: во-первых, она лежала в области без берёз [3, с. 57; 31, с. 20-21], во-вторых, она располагалась между двумя горами (кавто пандо юткссо) [7, с. 34; 8, с. 204; 31, с. 20-21], в-третьих, она находилась около залива моря (моря усиясо) [8, с. 204]. Первый ориентир говорит о расположении прародины к Северу от левого берега Верхней Волги, где доминируют хвойные леса. Второй ориентир может указывать как на местность между хребтом Мянселькя и Валдайской возвышенностью, так и на местность между менее значительными высотными массивами. Третий ориентир может указывать как на всё Балтийское море, являющееся заливом Океана, так и на отдельный его залив. Все три ориентира расплывчаты, а значит для точной локализации земли тюштей необходимо привлечь письменные источники, упоминающие этнонимы, похожие на их самоназвание.

Древнейшим источником, упоминающим похожий на тюштей этноним, является Авеста (XV-V вв. до н.э.), где в книге Видевдат рассказывается о чужеземном народе «таожья/таожа» (taožya/taoža/taožiiå), живущем в холодных верховьях (Upa) реки Рангхи (Raŋhaiiå) [32, с. 30-31]. Названию реки Рангхи (влажной) тождественно название Волги (влажной), верховья которой находятся неподалеку от Поволховья.

Еще одним древним источником, упоминающим похожий на тюштей этноним, является «Гетика» Иордана (VI век), где автор перечисляет народы, покоренные готским королем Германарихом в IV веке, среди которых названы «тюды» (варианты: thiumdos, thuidos, thiuidos) [2, с. 89]. Обобщив наши работы о племенном союзе лугиев/бастарнов (кельто-скифов) [21, с. 43], аорсах [19, с. 8], регионе Аунксе [15, с. 9] и регионе Мискаре [16, с. 24], мы предлагаем следующее прочтение этого списка [11, с. 8]: «покорил же он племена: кельто-скифов, тюдов в Аунксе, васов в Упа-Рангхе, меров и мордов в Мискаре, аорсов, акациров, двалов, навазов, папагов, керкетов». При таком прочтении упомянутые западные племена оказываются на Одере и Висле, восточные – на Волге, северные – на Балтике, а южные – на Кавказе, т.е. размещаются по границам Европейской и Азиатской Сарматий, что подчеркивает покорение Германарихом обеих Сарматий.

В нашей работе, посвященной региону Аунксу (варианты: Aunx, Aucc, Aux, Axung) с проживавшими там тюдами, мы обратили внимание, что в эстонской и финской гидронимии корни аункс/унукс и аунус/унус, с одной стороны, взаимозаменяемы с ПФ *ala (нижний), а с другой стороны, противопоставлены ПФ *ülä (верхний), из чего мы сделали вывод, что название региона Аункса восходит к утраченному корню со значением «нижний» [15, с. 8-9]. Мы считаем, что наш вывод следует исправить, отождествив этот корень с ПФУ *aŋe (уста/рот, проход, отверстие, углубление), дериватом которого является прамордовское *oŋks (удила, часть конской сбруи, вставляемой в рот). Мы считаем, что к названию этого региона восходит наименование области Унгании (Ungannia) или Угаунии (Ugaunia), находящейся в южной части Эстонии, которая исторически входила в состав Лифляндии. К ней же восходят латышское (Igaunija) и латгальское (Igauneja) названия Эстонии, которые, вероятно, изначально относились к Лифляндии. Также, Аунксу может быть тождественна упомянутая Плинием Энингия (Aeningia), про которую он писал, что она больше Скандинавии (Scatinavia) [24, с. 141-142]. Ввиду того, что Плиний называл Скандинавию островом, очевидно, что ему была известна лишь ее южная часть (Гёталанд и Свеаланд), но даже эти земли больше Курляндии,

Лифляндии и Эстляндии вместе взятых. Исходя из этого, остается лишь предположить, что Энингия охватывала всю Юго-Восточную Прибалтику от Вислы до Тавастланда, т.е. географически была тождественна Айстланду (см. Рисунок 1).

В нашей работе, посвященной региону Мискарам (варианты: Miscar, Mascar, Miscan) с проживавшими там мерами (merens) и мордами (mordens), мы предложили считать мискарский топоним когнатом слова коми-языка «мӧс-сьӧр» (междуречье) и отождествили его с Волго-Окским междуречьем, где находится Мещёрская сторона Рязанской земли [16, с. 22]. К сожалению, в той статье мы допустили множество ошибок: во-первых, мы проигнорировали средневековые упоминания Мещёры к Востоку от Рязанской земли, во-вторых, мы не обратили внимание на то, что эрзяне и мокшане, на которых русские перенесли имя мордов, живут к Востоку от Мещёрской стороны, в-третьих, мы не учли средневековые упоминания народа мердас/мердинис в районе Суры, в-четвертых, мы опирались на современную (Мещёра), а не на древнюю (Miscar) форму названия региона, в-пятых, мы не учли, что название региона Упа-Рангхи (варианты: Abronc, Abrunc, Aboronc) имеет иранскую этимологию, в-шестых, мы ограничили область, которая именовалась Мещёрой, ареалом распространения топонимов с корнями -мещёр- и -мичур-. Если учесть и исправить все вышесказанное, то Мещёра должна включать, как минимум, всё Поочье, а как максимум, еще и более восточные земли вплоть до бассейна Камы. Возможно, название региона восходит к ПИИ *miśćáras, а далее либо к ПИЕ *mikskéros (смешивающийся), т.к. в этой области воды Волги начинают смешиваться с водами Оки и Камы, либо к ПИЕ *miskéros (меняющийся), т.к. в этой области направление течения Волги начинает меняться на южное.

Примерное расположение народов и областей из списка народов Германариха представлено на Рисунке 3, где синей линией обозначен Кумо-Манычский пролив между Азовом и Каспием, а также окончательно пересохший лишь в XVIII веке западный рукав Волги, впадавший в этот пролив [18, с. 5, 8].

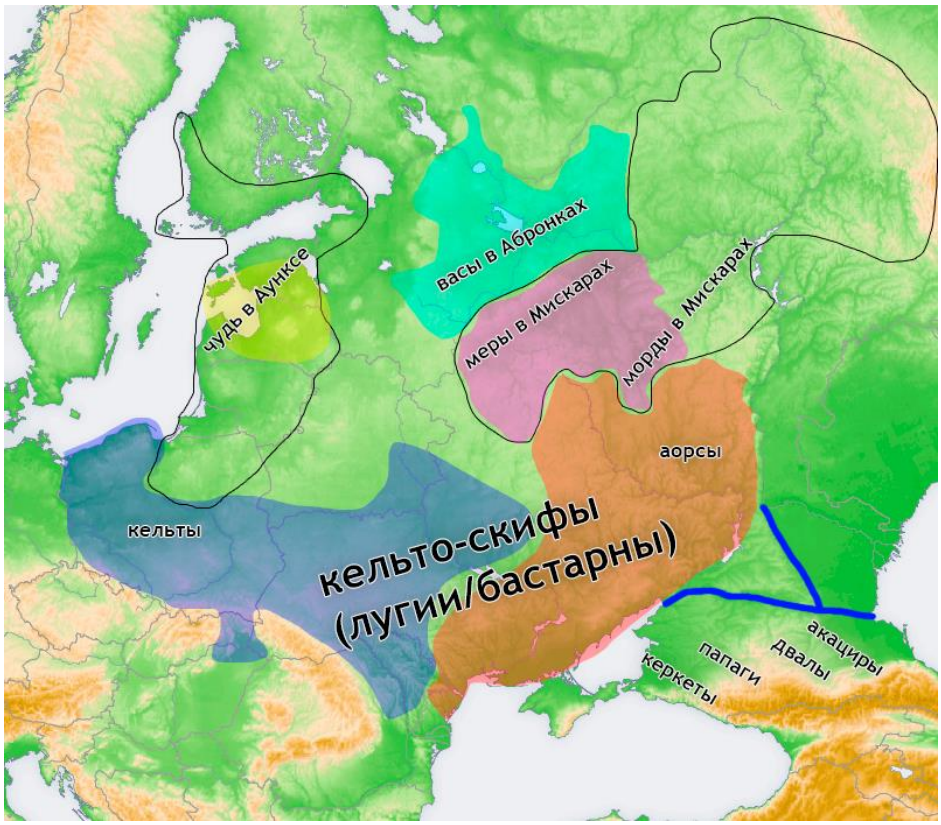

Рисунок 3. Локализация народов Германариха

Говоря о двух Сарматиях, нельзя не упомянуть «Географию» Птолемея (II век), в которой автор скомпилировал сведения из ряда доступных ему трудов, в т.ч. не дошедших до нашего времени [6, с. 236-238, 247]. Большинство этнонимов в сохранившихся списках этой работы искажено, а местоположение племен, как правило, не содержит привязки к географическим ориентирам и потому малоинформативно. Мы попытались реконструировать карту Птолемея, отбросив племена геродотовской традиции, которые помещены автором на крайний Северо-Восток, вероятно, из-за эллинизации их этнонимов [17, с. 7] и непонимания того, где они могли располагаться (п. 10 в главе о Европейской Сарматии и п. 16 в главе об Азиатской Сарматии) – результат представлен на Рисунке 4.

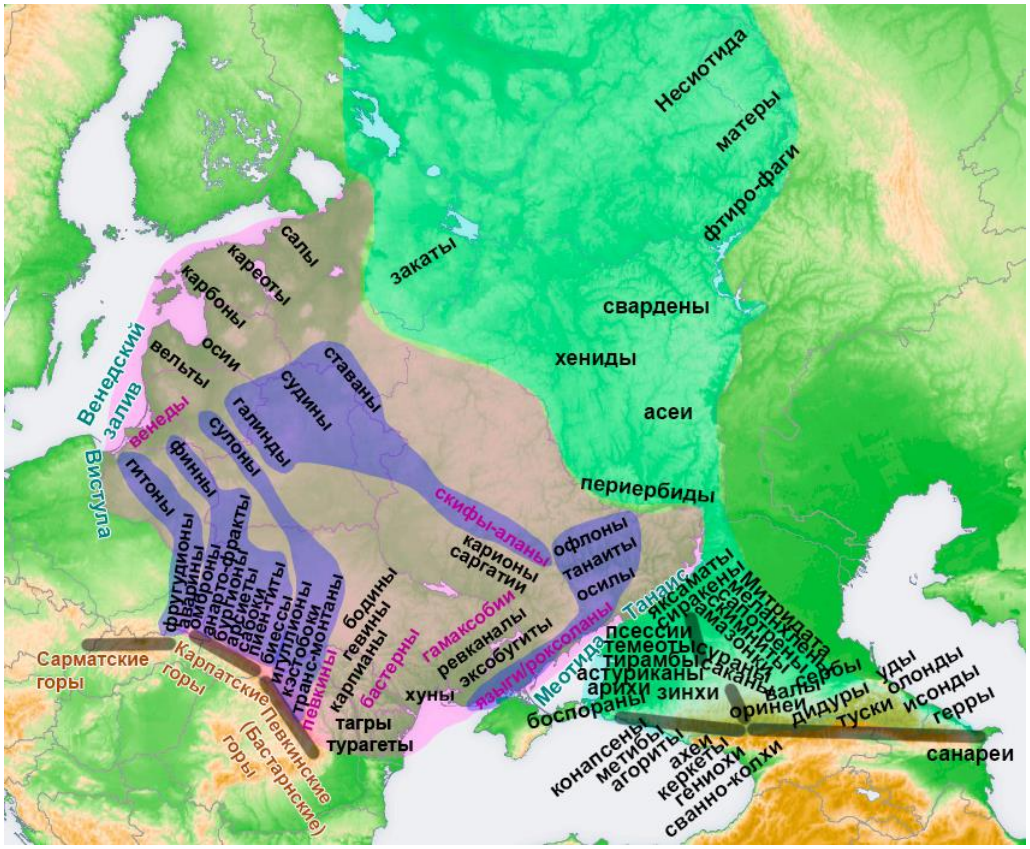

Рисунок 4. Локализация племен двух Сарматий из работы Птолемея

Названия племен в Прибалтике и по реке Ра (Волге) мы реконструируем следующим образом: салы (σαλοί) – туды/тюды (θυδοί), закаты (ζακαται) – усы (ουσαι [καὶ]), хениды (χαινίδες) – миры ([καὶ] μίρες), суардены (σουαρδηνοί) – мардены ([κάτω] μαρδηνοί), асеи (ασαιοι) – аорсы (αορσοι), фтиро-фаги (φθειρο-φαγοι) – отир-камы (οθειρο-ραμοι), матеры (ματῆροι) – утеры (υοτῆροι), неси-отис-хора (ἡ νησιώτις χώρα) – манси (μανσι) и остис-хоят (οστις χώιας).

Учитывая совпадение последовательности расположения поволжских народов Птолемея и Иордана, можно с уверенностью сказать, что их информация об этих народах восходит к общему источнику. Наиболее вероятно, что этим источником была работа «Об океане» Путея (Пифея) Массальского (IV век до н.э.), который дошел до Британии, а затем, плывя наверх (греческие карты его времен были ориентированы на Восток), до пролива Катте-гат (Codanus), до острова Зеландии (Thule), прошел по 1100-километровому (6000 стадиев) населенному гутонами (guiones) северному берегу Балтики (Bannonia), до Аландских островов, соединяющихся с материком во время отлива, до острова Эзеля (Basilius), где жители собирают янтарь для продажи тевтонам за море, до земли Энингии (Aeningia), а потом вышел по Двине, Волге и Манычу к устью Дона (Tanais), попутно описывая регионы Поволжья и прилежащие народы.

Таким образом, все древние упоминания этнонимов, похожих на тюштей, относятся к Юго-Восточной Прибалтике.

Миграция тюштей и обретение родины

Эрзянские легенды рассказывают, что на земли Тюшти с Запада напали русы, из-за чего он решил увести свой народ за Великую воду (ине ведь) [3, с. 57; 14, с. 40]. На берегу Великой воды они сделали остановку, во время которой Тюшть построил мост и приказал приготовить много каши [7, с. 34; 8, с. 200]. В ходе поедания каши Тюшть узнал, что русы преследуют их и приказал срочно начать переправу, но некоторые люди ослушались и остались доедать кашу – согласно легенде, они попали под власть русов и остались жить на том берегу [3, с. 57; 7, с. 34; 8, с. 200]. Переправившись через Великую воду Тюшть встретился со злой царицей, правившей Клязьмой на территории Владимирской губернии, которая выстрелила в него из лука, в ответ на что Тюшть выпустил в нее свою стрелу, разрушив ее дворец и убив ее саму [8, с. 187; 14, с. 40]. Народ Клязьмы предложил Тюште править ими, но он отказался и попросил указать на ближайшую свободную землю – тогда ему сказали, что очень много свободной земли есть у царя по имени Китай, живущего на Востоке [8, с. 188; 14, с. 40]. Придя к Китаю Тюшть выпросил у него свободную землю для тюштей, благодаря чему они обрели новую родину около Глаз/Око-воды (Сельме-ведесь), Клязьмы и Волги-воды (Волга-веднень) [8, с. 188; 29, с. 168]. После завершения путешествия Тюшть попрощался со своим народом и ушел в лес [3, с. 60].

Первой задачей является определение народа, ставшего прототипом для русов, вторгшихся в земли тюштей, а также датировка их вторжения. Как показали наши предыдущие исследования,

в Восточной Европе эпохи Средневековья существовало три вида русов [20, с. 7]: русы-руотси (восточные шведы), русы-аорсы (ароксоланы) и русы-поляне, причем этноним последних происходит от этнонима первых. Мы считаем, что народом, изгнавшим тюштей с прародины, являются восточные шведы, которые с начала VIII века стали захватывать контроль над речными путями Восточной Европы и в т.ч. низовьями Двины, около которой располагалась земля Тюшти. Свои первые набеги русы-шведы осуществляли как раз в исследуемом регионе, о чем говорит захоронение на острове Эзеле/Сааремаа более 40 скандинавских воинов, включая близкого родственника Рюрика (образец VK508), датированное 700-750 годами [30].

Вторая задача состоит в локализации гидронима Великая вода. Она легко решается обращением к другим сказаниям, которые сообщают, что при сотворении мира бог Нишке поместил в Великую воду три великих рыбы: белугу, севрюгу и осетра [4, с. 139; 28, с. 84]. Осетр когда-то водился в Волхове и, возможно, в некоторых других крупных реках Прибалтики, но только в Волге одновременно водились все три вида, а значит Великая вода – это Волга.

Третья задача заключается в определении прототипа народа Клязьмы, а также места их проживания. Возможно, что Клязьма – это эпоним народа, встреченного тюштями после переправы через Волгу, но у нас нет никакой информации о том, что у Волго-Окских народов (мерян и муромы) был дополнительный этноним, связанный с Клязьмой. Если предположить, что этноним голяди имеет славянизированную форму с открытыми слогами и реконструировать его исконную форму как *гълядь, а также допустить, что в VIII веке голядь занимала более широкий ареал, чем бассейн Протвы, то вполне возможно, что Клязьма из этой легенды является результатом переосмысления топонима *Гълядь-ма (голяди земля), типологически близкого к топониму Муро-ма. Широкое распространение топонимов (см. Рисунок 5) с корнями гляд/глят/гляж (красный цвет) и голяд/голят/голяж (синий цвет) в районе междуречья Волги и Оки делает такую версию вполне приемлемой.

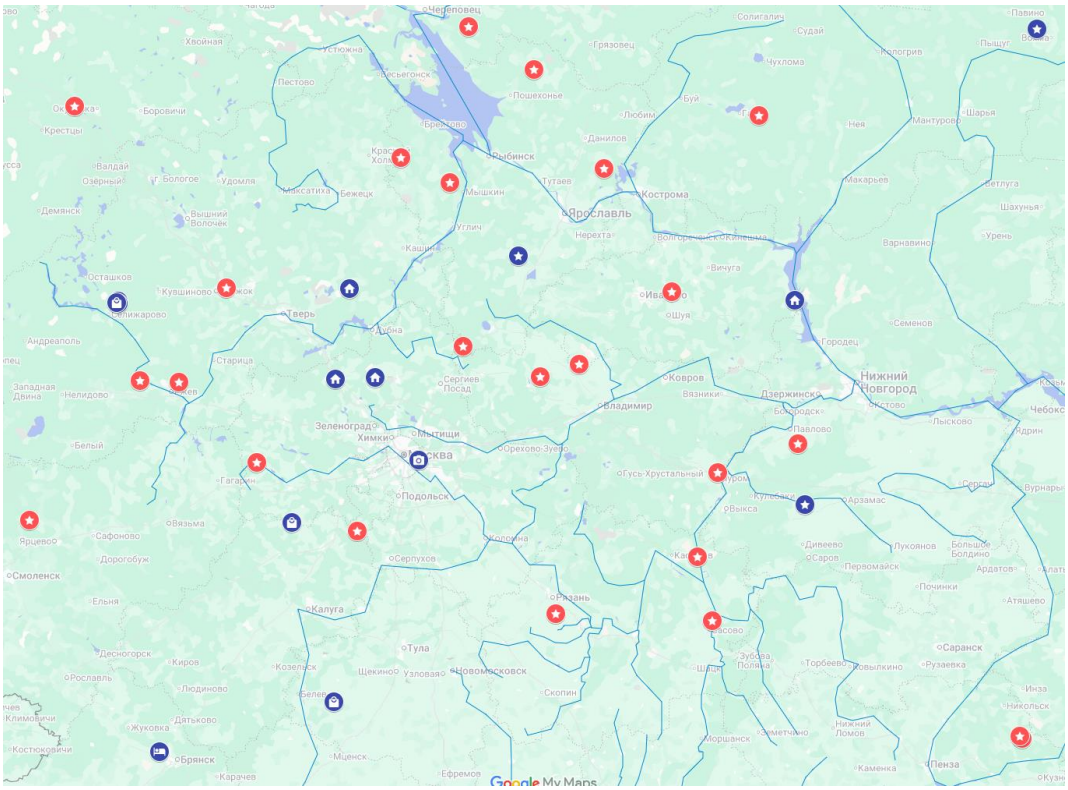

Рисунок 5. Расположение топонимов, связанных с голядью

Четвертой задачей мы считаем выявление прототипа царя Китая, в свободных землях которого поселились тюшти. Если имя Китая является эпонимом, то допустимо предположить, что народом-прообразом были скуты (Σκύθαι) – это вполне возможно, т.к. Страбон (I век) рассказывал, что кочевники с радостью отдают свою землю земледельческим народам в обмен на уплату дани [27, с. 284]. Отождествлению Китая со скутами препятствуют два лингвистических фактора: отсутствие начальной «с», а также звук «и» вместо «у». Первый фактор может быть объяснен поздним переосмыслением Скутай>Китай (страна в Восточной Азии), а второй фактор – икавизмом у>и, выявленным, как минимум, в языке скифов Предкавказья: упомянутое Геродотом (V век до н.э.) племя агатурсов (Ἀγάθυρσοι) [25, с. 212], жившее в районе Терека и Кумы, ко временам Иордана (VI век н.э) стало зваться акатирами (Ἀκατίρων) [2, с. 67]. Если мы правы, и эпоним Китая образован от этнонима скифов, то необходимо

определить, с каким именно скифским племенем столкнулись тюшти. В эрзянском языке есть идиома «кезэрень шкань» (очень давно), но т.к. слово «кезэрень» не этимологизируется на уральской основе, то можно дословно перевести эту идиому как «в хазарские времена» и допустить, что этим скифским племенем были хазары (агатурсы, акатиры), упоминаемые в русских летописях как «козаре». Также, возможно, что этим скифским племенем были аорсы (русы, ароксоланы), от этнонима которых происходит современное самоназвание эрзян [19, с. 12]. На наш взгляд, наиболее вероятен комбинированный вариант, при котором тюшти, прибыв в Окско-Сурские земли в VIII веке, стали вассалами аорсов, а те к тому моменту уже являлись вассалами хазар – в пользу этого говорит то, что хазарский царь Иосиф (X век) упоминал аорсов (арису) в списке своих данников [5, с. 98], но не упоминал тюштей.

Археологические исследования Окско-Сурского междуречья показывают, что в районе VII–VIII веков произошло изменение и упорядочивание погребального обряда: к Северу от реки Мокши стала доминировать северная ориентировка покойников, а к Югу – южная [2, с. 143]. Совпадение датировки появления русов-шведов в Юго-Восточной Прибалтике с датировкой резких перемен в обрядности населения Окско-Сурского региона, свидетельствующих о приходе нового населения, не только подтверждает достоверность эрзянского предания о переселении, но и позволяет датировать его началом VIII века. Ключевые области в миграции тюштей обозначены на Рисунке 6.

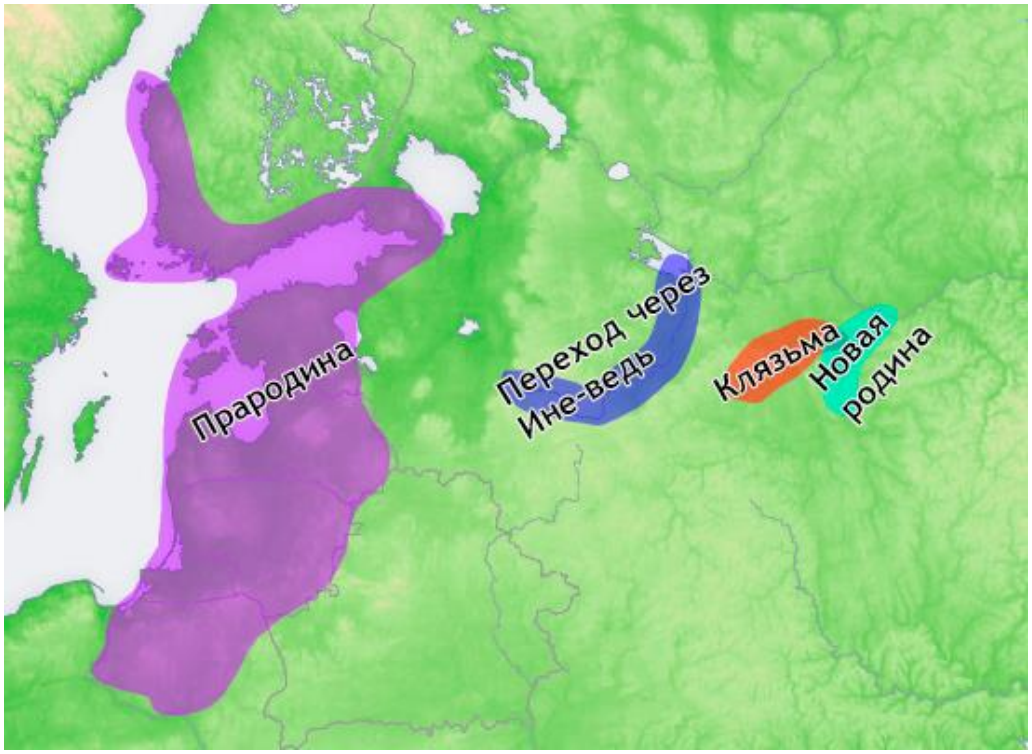

Рисунок 6. Расположение основных областей в пути тюштей

Заключение

В ходе изучения эрзянских преданий была выявлена легенда о переселении праэрзян, которая объясняет несоответствие таксономической принадлежности языка эрзян их географическому положению. Сопоставление описаний местностей и событий, упомянутых в этой легенде, позволило датировать праэрзянскую миграцию началом VIII века и локализовать регион их исхода в Юго-Восточной Прибалтике. Тот факт, что с помощью информации из легенд удалось объяснить вышеописанное несоответствие, доказывает полезность применения фольклорного материала при исследовании истории народов.

Список литературы:

1. Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий; отв. ред. Э. М. Мурзаев; Акад. наук СССР. – Москва: Наука, 1990. - 254 с.
2. Алихова А.Е. Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965
3. Бессонов И. А. Мордовский эпос о Тюште и русские и финно-угорские предания о чуди //Традиционная культура. Научный альманах. – 2016. – №. 4. – С. 64.
4. Инжеватов И.К., Померанцева Э.В. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, книга 1. Эпические и лиро-эпические песни / Науч.-иссл. ин-т. яз. лит., истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР. — Саранск, 1963.

5. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. - Л.: 1932 - 134 с.
6. Латышев В.В. Сведения о Скифии и Кавказе // ВДИ. — 1948. — № 2. — С. 231—257.
7. Марков А.В. Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии, в связи с вопросом о происхождении великорусского племени, Тифлис : Тип. Канцелярии Наместника Е. И. В. на Кавказе, 1914
8. Маскаев А.И. Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, 436 стр.
9. Матузова В.И. Орозий короля Альфреда // Английские средневековые источники IX—XIII вв. М. Наука. 1979.
10. Напольских В.В. Введение в историческую уралистику – Ижевск, 1997. 268 с.
11. Напольских В.В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана / В. В. Напольских // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – №. 1. – С. 7-29.
12. Напольских В.В. Очерки по этнической истории. – Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2018. – 648 с., ил. Издание 2-е, исправленное и дополненное.
13. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров / В. Петрухин. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 463 с. : ил.
14. Рагозин В.И. Волга. Т.3. От Оки до Камы. Санкт-Петербург: Типография К.К. Ретгера, 1881
15. Русаков Д.А. «АУНКСИС» ИОРДАНА В СВЕТЕ ТОПОНИМИИ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 8(111).
16. Русаков Д.А. «МИСКАР» ИОРДАНА В СВЕТЕ ТОПОНИМИИ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 12(115).
17. Русаков Д.А. «МЕЛЬПОМЕНА» ГЕРОДОТА: РЕКОНСТРУКЦИЯ КАРТЫ, НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН И ИХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЙ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 1(116).
18. Русаков Д.А. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА ИТИЛЯ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 4(119).
19. Русаков Д.А. ЛОКАЛИЗАЦИЯ АОРСОВ С ПОМОЩЬЮ СВЕДЕНИЙ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 6(121).
20. Русаков Д.А. ОБ ЭТНОНИМАХ НАСЕЛЕНИЯ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 8(123).
21. Русаков Д.А. ВОЛЬКИ И ВОЛОХИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 10(125).
22. Скржинская Е.Ч. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. - СПб. : Алетейя. 1997 – 505 с.
23. Смирнов Ю.И. Предания Европейского Севера о чуди // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972.
24. Старостин Б.А. Плиний Старший. Естественная история, кн. IV, гл. 13// Вопросы истории естествознания и техники. № 3. Москва, 2007. С. 110—142.
25. Стратановский Г.А. Геродот. История в девяти книгах; Под общ. ред. С. Л. Утченко ; Ред. пер. Н. А. Мещерский. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — 600 с.
26. Топоров В.Н., Завьялова М.В., Кибрик А.А. Языки мира: Балтийские языки / РАН. Институт языкознания;— М.: Academia, 2006. — 224 с.
27. Утченко С.Л. Страбон. География в 17 книгах. - М.: «Наука», 1964 – 941 с.
28. Шаронова Е.А. Мифологические сюжеты о сотворении мира и человека в эрзянском эпосе «Масторава» // Вестник угроведения. 2014. №3 (18).
29. Шахматов А.А. Из области новейшаго народнаго творчества // Живая старина : Период. изд. Отделения этнографии Имп. Рус. геогр. о-ва. Год XVIII. Вып. I-IV. - СПб, 1909
30. Margaryan A. et al. Population genomics of the Viking world //Nature. – 2020. – Т. 585. – №. 7825. – С. 390-396. Supplementary Material
31. Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Band VI. Helsinki, 1977
32. Witzel M. The home of the Aryans. – 2000.